

Всё тот же знакомый теннисный парк, всё те же привычные восемь часов утра.

Кадзэхайя Тсукинари смотрел на безмятежную гладь озера. Он сидел на декоративном камне у воды, слегка покачивая ногами.

Позади слышались неторопливые шаги, но он даже не обернулся:

— Сэйити, доброе утро.

Тон прозвучал не слишком воодушевленно, и Сэйити Юкимура слегка засомневался: неужели дело с оперой еще не разрешилось?

— Доброе утро. — Заметив, что Кадзэхайя Тсукинари сидит на камне, он примостился рядом.

Немного расслабиться тоже неплохо.

— Тсукинари любит пейзажем? — спросил Юкимура и бегло окинул Кадзэхайя Тсукинари взглядом, но тут же замер.

В руках у Кадзэхайя Тсукинари красовался теннисный чехол.

Оказывается, дело вовсе не в опере, а в теннисе?..

— Можно и так сказать...

— Тсукинари... неужели... ты снова решил заняться теннисом? — нерешительно начал Сэйити Юкимура.

Он что, что-то упустил? Почему ему кажется, что он пропустил целую кучу серий?

— Я не знаю.

— ...?

Кадзэхайя Тсукинари достал из чехла теннисную ракетку и посмотрел на нее против солнца. Сине-белое лаковое покрытие искрилось в лучах, совсем как при первой встрече.

Он произнес:

— Я не знаю.

Игнорируя вопросительный взгляд Сэйити, он опустил голову, нежно провел пальцами по струнам и продолжил:

— Мой отец — теннисный тренер, и я не знаю, передалось ли это мне с детства, но лет с трех я играл в теннис вместе с ним.

Он говорил сам с собой, совершенно не замечая странного взгляда Сэйити Юкимуры.

Неужели всё так, как он подумал? Это совсем на то не похоже...

— Он вечно был занят. Не говоря уже о том, сколько времени он проводил дома за весь год, до него порой даже по телефону нельзя было дозвониться.

То, к чему он привык, — это тихие глубокие ночи, это звонки, на которые никто не отвечал...

Юкимура молчал. До него нельзя дозвониться... ах, неужели всё так...

— Позже, возможно, он разглядел во мне талант, и внимания стало чуть-чуть больше.

Он закрыл глаза. Легкий ветерок коснулся кончиков его волос, по озеру побежала рябь, и ему показалось, что он снова вернулся в тот день.

Отец подбросил его высоко вверх и, кружась, рассмеялся. Совсем маленький, он не понимал, почему папа так рад, просто знал, что нужно смеяться вместе с ним.

Тогда их отношения еще не испортились.

— Наверное, дети всегда надеются на внимание родителей, и я не исключение. — Кадзэхайя Тсукинари усмехнулся.

— Чтобы заслужить его внимание и оправдать его ожидания, я делал всё, что он говорил, и шаг за шагом послушно учился играть в теннис.

Звонки стали чуть чаще — пусть даже всего раз в полмесяца, но когда-то это приводило его в восторг.

— Со временем я перестал понимать, ради чего вообще играю в теннис. Ради внимания отца? Или потому, что я действительно люблю его?

Кадзэхайя Тсукинари опустил взгляд на ракетку, в его глазах застыло полное недоумение.

Казалось, к чему бы ни прикасался теннис, везде присутствовал тот человек. Так неужели он сам действительно любит теннис?

Сэйити Юкимура:

— И что потом?

— А потом телефон и вовсе умолк. Наверное, в его глазах я изначально не имел никакого значения. — Прежняя мрачность исчезла, лицо его стало холодным.

Сэйити Юкимура задумался: неужели всё так? Кажется, ему довелось услышать просто невероятную историю.

Долгое время никто не произносил ни слова. В наступившей тишине лишь шелестела листва.

— Сэйити, а ты? Ты любишь теннис? — неожиданно бросил Кадзэхайя Тсукинари, повернувшись к Сэйити Юкимуре с пасмурным взглядом.

— Я? — Сэйити Юкимура сообразил не сразу, он никак не ожидал такого вопроса.

Но как бы то ни было, ответ на него всегда будет только один —

Он мягко улыбнулся и поднялся на ноги:

— Я собираюсь играть в теннис всю свою жизнь. — Он верил, что финал из его сна не повторится, потому что у него были силы всё изменить.

Он произнес те же слова снова:

— Теннис — это и есть я.

Кадзэхайя Тсукинари поднял на него взгляд. Возможно, солнце светило слишком ослепительно, но ему вдруг показалось, что Сэйити Юкимура невероятно сияет.

Особенно его глаза: при всей мягкости взгляда в них проступила необычная острота.

Он редко видел такие глаза — казалось, в них полыхает яростное пламя, и даже опущенные ресницы не могли скрыть этот пульсирующий свет, этот бушующий огонь, выдающий его

амбиции и жажду покорить мир.

Неуступчивая любовь, значит...

Он увидел, как Сэйити Юкимура протягивает ему руку. В глазах юноши таился свет, и хоть черты лица еще хранили юношескую мягкость, в нем уже чувствовалась непреклонная решимость идти вперед.

— Тсукинари, давай в будущем играть в теннис вместе!

Он улыбался тепло и дерзко, а в каждом движении его глаз сквозил пылкий задор.

Пламя в его глазах разгоралось всё сильнее, поджигая что-то внутри.

Кадзэхайя Тсукинари глубоко вздохнул и, помолчав немного, произнес тот самый ответ, которого от него так ждали.

Он услышал собственный голос:

— Ладно...

Он вложил свою руку в его протянутую ладонь.

<http://bllate.org/book/22380/2347823>